

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38

Делать людей бы из этих гвоздей: рассказ А.П. Платонова «Никита» (К 120-летию со дня рождения)

Евгений Александрович Яблоков

*Институт славяноведения, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
e-mail: ejablov@proc.ru*

В статье дан анализ концептов, определяющих художественный мир рассказа А.П. Платонова «Никита» и реализованных в лексическом строе текста. Цель статьи – на основе филологического анализа определить авторскую концепцию. Объект исследования – постижение сущности мироощущения заглавного персонажа произведения. Автор статьи акцентирует внимание на уникальности героя, подчеркивая его особую миссию в мире. Соотнесение рассказа с «большим» контекстом творчества писателя способствует пониманию важнейших идей произведения.

Ключевые слова: *филологический анализ текста; внутренняя форма слова; многозначность; мифопоэтические коннотации; интерпретация; анимизм*

Ссылка для цитирования: Яблоков Е.А. Делать людей бы из этих гвоздей: рассказ А.П. Платонова «Никита» (К 120-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 5. – С. 32–38. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-32-38.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта «Категория детства в философии и поэтике А.П. Платонова» № 18-012-00429.

These Nails Would Make Good People: a Story by A.P. Platonov «Nikita» (To the 120th Anniversary of the Birth)

Evgeny A. Yablokov

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: ejablov@proc.ru*

The article analyses defining concepts in the fictional world of a story by A.P. Platonov («Nikita»), which are introduced through the lexical structure of the text. Using philological analysis, the author aims to define the writer's concept, with the title character's worldview constituting the study object. The author of the article pays special attention to the main character's uniqueness, emphasizing his special mission in the world. Considering the story in the context of the writer's work contributes to better understanding of its key ideas.

Keywords: *philological analysis of the text; inner form of the word; polysemy; mythopoetic connotations; interpretation; animism*

A reference for citation: Yablokov E.A. These Nails Would Make Good People: a Story by A.P. Platonov «Nikita» (To the 120th Anniversary of the Birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 5, pp. 32–38. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-5-32-38.

The work was supported by the Russian Foundation for basic research (RFBR) within the project «Category of childhood in philosophy and poetics of A.P. Platonov» № 18-012-00429.

Рассказ «Никита» (1945) активно используется в школьной практике, причем интерпретируется, как правило, в «жизнеподобном» духе. В центре внимания — личность пятилетнего героя; именно возрастом Никиты объясняется свойственный ему «анимизм», проявлений которого в небольшом произведении весьма много (анализ соответствующих эпизодов позволяет учителю подчеркнуть связи сюжета со сказочно-фольклорными мотивами). Однако практически незатронутым остается важный вопрос, который не может быть решен без рассмотрения рассказа как художественного целого. Должны ли мы, исходя из авторской концепции (уяснить которую можно лишь путем филологического анализа, через обращение к семантическим и композиционным нюансам), считать мироощущение Никиты «типичным» для ребенка пяти лет — или же поведение главного персонажа свидетельствует о его необычности, исключительности?

Непроясненность этого вопроса ощущалась уже первыми читателями «Никиты». Например, в 1946 г. поэт П.Г. Антокольский во внутрииздательской рецензии на рукопись платоновского сборника рассказов, утверждая, что их смысл «ясен и прост для любого читателя», вместе с тем заявлял: «...в рассказе “Никита” слишком прямолинейно и назойливо показан антропоморфизм в мироощущении ребенка. <...> ...Чуть меньше было бы куда лучше!» [Критические отзывы 2017: 532]. Связь героя с «потусторонней» реальностью — пусть даже воображаемая, фантазируемая ребенком — настораживала. Сказывалось характерное для критики 1930-х — 1940-х гг. мнение, что Платонов, как «упадочный» автор, декларирует бессилие человека перед природными силами¹, идя тем самым вразрез с преобразовательными идеями социализма. Характерно высказанное в 1952 г., вскоре после смерти Платонова, суждение А.Б. Чаковского о детских рассказах писателя:

¹ Автор одной из наиболее обстоятельных и «разгромных» статей А.С. Гурвич в 1937 г. писал: «Огромный и пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек — вот излюбленный образ Платонова. С болезненной утонченностью передает Платонов заброшенность, одиночество человека» [Гурвич 1994: 366].

...Анимизм, которым проникнуто платоновское ощущение природы... служит у него для усиления чувства беспомощности, одиночества, необратимости смерти. Природа у Платонова — порождение чувств его героев, их настроений безысходности, отчаяния, страха, смирения [Посмертные сборники 2017: 572].

Впрочем, и сегодня платоновский рассказ возбуждает отнюдь не детские коллизии. Вот, например, о чем писали РИА — НОВОСТИ 27 марта 2017 г.:

Общественники Красноярска просят работников образования... заменить рассказ Андрея Платонова «Никита» для пятиклассников на другое произведение этого же автора, сообщил депутат Госдумы Виктор Зубарев на заседании общественного совета при Красноярской митрополии. По информации совета, в феврале в его адрес обратились родители красноярских школьников...² Они считают, что... рассказ Платонова [может] навредить психике. <...> В рассказе «Никита» речь идет о пятилетнем мальчике, который наделяет чертами умерших людей окружающие его предметы. Психолингвистическая экспертиза литературных произведений была проведена экспертами Красноярского государственного педагогического университета имени Астафьева. <...> ...Общественный совет будет просить Минобрнауки РФ заменить рассказ Андрея Платонова «Никита» на другое произведение этого же автора³.

Судя по всему, Никита заподозрен то ли в психических отклонениях, то ли в одержимости бесами — а возможно, в том и другом одновременно. «Общественники» в наивно-гротескном виде акцентировали тот же вопрос, который сформулирован в начале статьи: как соотносится Никита с окружающей реальностью, какое место занимает в художественном мире?

Предварительный ответ таков: герой рассказа, чьи чувства и поступки составляют основу сюжета и изображены «крупным планом», предстает существом *уникальным* в своем роде. При этом автор, рисуя контакты Никиты с неживыми объектами, которые кажутся мальчику «одушевленными», стремится создать у читателя впечатление, что дело не только в фантазиях впечатлительного ребенка: всеобщая

² Красноярских активистов устроил не только «Никита», поэтому текст заметки цитируется с некоторыми изъятиями.

³ См.: <https://ria.ru/20170327/1490872263.html>; <https://vz.ru/news/2017/3/27/863713.html>

«одушевленность» — *подлинная* сущность бытия, которую Никита в силу своих эмпатических возможностей ощущает гораздо лучше остальных людей. Соответственно, герой исключителен не только в психологическом отношении — речь идет о его особой *миссии* в мире.

Важно, что характер Никиты не статичен; его динамика в рассказе эквивалентна *инициации* — архаичному посвятельному обряду, символизирующему наступление взрослости. Намек на это изначально звучит в словах матери, которая говорит мальчику: «Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету... Ты умный теперь» [126]⁴. Хотя в финале отец возвращается, Никита не только не перестает быть «умным», но, фигурально говоря, становится еще «умнее». Существенно и то, что отец приходит с войны, где, по его словам, «умирал» [132], — практически во всех «детских» рассказах Платонова радикальный сдвиг в мироощущении ребенка обусловлен контактом (в той или иной форме) со смертью⁵. «Сказочный» (и оттого кажущийся умильным) колорит платоновских сюжетов этому отнюдь не препятствует — сравним суждение В.Я. Проппа: «...сказка отражает в основном представления о смерти» [Пропп 2000: 37]. «Постигнув» смерть, малолетний герой бросает ей вызов, т.е. воплощает «воскресительное» начало — иными словами, эволюция его личности означает в перспективе («последней») смену всей системы отношений в мире, кардинальное «обновление» бытия. Такой мифологический подтекст присутствует и в рассказе «Никита», который в жанровом отношении (как большинство созданных Платоновым в конце 1930-х — начале 1940-х гг. произведений о детях) представляет собой не сентиментальную «бытовую» зарисовку, а философскую притчу.

Подтекстный сюжет «Никиты» обнаруживается при углубленном анализе текста, где важную роль играют «двусмысленные» обороты, значение которых балансирует между иронически-«детским» и вполне

«серьезным», конкретно-«бытовым» и метафорическим. Такова одна из первых фраз «В избе и на всем дворе оставался хозяином один Никита» [126]: вполне обыденные слова *двор* и *хозяин* содержат намек на формирующиеся в ходе сюжета коннотации «всеобщности». Подобная семантика подготавливается и фразой матери — ее довод в пользу «неустранимости» Никиты звучит парадоксально: «На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи *мирно* один...» [127]. Ситуативно понятная фраза (*живи один* = ни во что не вмешивайся, не создавай конфликтных ситуаций) в силу «глобальности» нарисованной картины обретает универсально-философский смысл: «отдельное» положение героя сочетается с «всеединством» бытия — Никите нечего бояться, поскольку он часть вселенной (к тому же наречие *мирно* по созвучию может быть понято как *с миром*, т.е. *вместе* с ним). По сути, мать высказывает «программу», которая затем разворачивается в сюжет рассказа. Все действия героя в «земном» пространстве (которое в «практическом» плане ограничено окрестностями дома, «деревенской улицей» и «овином на околице» [131]) представлены как взаимодействие с универсальными сущностями и бытием в целом.

Своего рода «сигналом» к выходу Никиты в «большой» мир становится явление «извне»: *воробей*, перейдя порог, ищет «зернышко в *жилой земле* избы» [127]. Можно было бы подумать, что подразумевается земляной пол, но в заключительном эпизоде отец мальчика «стругает доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе» [133]. Одно из значений слова *земля* — владение, территория; соответственно, *жилая земля* — населенное пространство, куда воробей «проникает»; подобно ему Никита, *покинув* избу, также оказывается в «жилой земле», т.е. в «большом» мире. Воробей играет роль стимула: при виде его «скука» Никиты достигает апогея, и герой переходит в «активное» состояние: «Он хотел теперь узнать то, чего он не знал» [127].

Характерен образ действий птички: она *приходит* в избу, т.е. предстает существом «нелетающим». С одной стороны, образ ключющего воробья стимулирует евангельскую ассоциацию — вспомним Нагорную проповедь и беззаботных птиц, питаемых Отцом небесным [Мф. 6: 26]. В платоновском

⁴ Текст рассказа цитируется с указанием страницы по: Платонов А.П. Собрание сочинений: в 8 т. — М., 2011–2012. — Т. 6; остальные тексты Платонова — по тому же изданию с указанием тома и страницы. Курсив в цитатах — наш.

⁵ Характерный пример — рассказ «Июльская гроза» (1938); см.: [Яблоков 2017].

творчестве неоднократно актуализируется связь воробья с «запредельной» реальностью — показателен рассказ «Любовь к родине, или Путешествие воробья» (1936) «о воробье, унесенном ветром в рай и возвратившемся оттуда» [Платонов 2000: 187]. Вместе с тем устойчивы коннотации воробья как «крестьянской», питающейся «от земли» птицы. Приведем фрагменты романа «Чевенгур» (1927):

Воробей оторвался от плетня и на лету проговорил свою бедняцкую серую песню. <...> ...Мужик чем-то походил на отбывшего воробья — лицом и повадкой [3: 162];

На земле могут погибнуть от долгих унылых невзгод все нежные создания, но такие живородные существа, как мужик и воробей, останутся и дотерпят до теплого дня [3: 167].

В рассказе «Никита» воробей выполняет двойную функцию: с одной стороны, в качестве «птицы небесной» воплощает открывающийся герою *дух*; с другой стороны, предвещает явление *отца* мальчика, «мужика», который придет пешком, причем из «запредельной» реальности — *мира мертвых*.

Наличие отца у Никиты изначально проблематично: «отец давно ушел на главную работу — на войну, и *не вернулся оттуда*. Каждый день мать ожидала, что отец вернется, а *его все не было и нет*» [126]. Сверхдолгая задержка ассоциируется с полным отсутствием, и материнская реплика «отца у тебя нету» звучит как констатация его гибели — такое положение сохраняется до тех пор, пока Никита не увидит в избе «старого солдата» [131]. Версию парадоксальным образом «подтверждает» и сам отец, который говорит Никите: «А я — то помню тебя, *умирал* и помнил»⁶ [132]; сочетаются два значения слова *умирать* — метафорическое морально-психологическое (пребывать в смертельно опасной ситуации, испытывать предельные страдания⁷) и буквальное (физически расставаться с жизнью).

⁶ Ср. в романе «Чевенгур» парадоксальное стремление отца главного героя, рыбака Дмитрия Ивановича, «пожить в смерти и вернуться» [3: 16].

⁷ Сопоставим фразу лермонтовского стихотворения «Бородино» (1837): «И умереть мы обещали, / И клятву верности сдержали / Мы

Фабула условной первой части рассказа, границей которой служит долгий сон Никиты [131], представляет собой ряд перемещений героя по «жилой земле», которая кажется ему населенной существами скорее потусторонними, чем посюсторонними: мальчик общается с запредельным миром (как «верхним», так и «нижним») и видит в окружающих предметах и живых существах (например, в петухе или цветке) воплощения душ усопших, которые с неизвестными, но скорее злыми намерениями «вторгаются» в окружающую Никиту повседневность. Его движение в деревенском пространстве (куда, впрочем, включены «дедушка-солнце» [131], «водяные люди» [128] в колодеце⁸ и подземные существа [130–131]) эквивалентно каттабазису, путешествию в царстве мертвых. Пугающий «контакт» со смертью завершается «пробегом» Никиты через деревню и «успением» на ее границе, прямо на земле [131] — этот момент фиксирует начало инициации героя. Не случайно момент пробуждения-«перерождения» Никиты совпадает с возвращением-«воскресением» его отца.

Но сон мальчика, хотя и служит своеобразным рубежом, не означает окончания морального дискурса. Отец, пришедший с войны и, по его словам, имеющий «смертный» опыт, предстает сперва как бы очередным участником «галереи» потусторонних существ, которую до этого «наблюдал» Никита. Характерно, что, когда, вернувшись домой, мальчик видит в избе «солдата», тот кажется ему «старым» [131] — ранее так же были охарактеризованы пень, баня [129] и изба, похожая на «старую тетку

в Бородинский бой» [Лермонтов 1936: 12], — герой-рассказчик фактически «числит» себя мертвым.

⁸ В образе колодца реализуется идея «зеркально»-обращенного, амбивалентно симметричного мира: «В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем» [128]. «По народным верованиям, все земные водоемы сообщаются между собой и, вместе с тем, связаны с небесными водами; соответственно, колодец предстает каналом связи с потусторонним миром (см.: *Валенцова М.М., Виноградова С.Н.* Колодец // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. — М., 2004. — Т. 3. — С. 537, 539).*

из дальней деревни» [130–131]. Существа, «вторгавшиеся» в окружающую Никиту реальность, в большинстве представлялись ему агрессивными; однако важно учитывать, что и отец мальчика «причастен» к смерти не только в качестве *умиравшего*, но и в качестве *убивавшего*. Показательна его констатирующая фраза: «Врага-неприятеля мы погубили» [132].

В новом «мироустройстве» отец занимает место авторитарного лидера: «все, кто жил во дворе» [132] кажутся Никите «усмиренными», поскольку «всем *стало боязно* отца-солдата» [132]. Нет сомнений в том, что в «бытовом» плане возвращение главы семьи – событие абсолютно позитивное. Но реальность, которая в восприятии Никиты приходит на смену его «анимистической» картине мира, не идилична. Характерно, что первым действием отца по благоустройству территории вокруг избы становится уничтожение «пня-головы» [131]. Идя по двору вместе с отцом, который оценивает, «что... нужно, а что нет», мальчик представляет окружающую реальность безжизненной и ветхой:

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Коля в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мертвыми, а дедушкина баня была спревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше ее не будет [132].

Отец Никиты, фигурально говоря, «вернул» умерших в их обитель, восстановив традиционную дихотомию мира живых и мира мертвых. Однако сын не готов признать это фатальное разделение – причем к концу рассказа оппозиция живого и мертвого постепенно утрачивает конкретно-«физический» смысл, переходя в морально-духовный аспект. Возникает тема «мертвых душ»; символичной является фраза «Везде есть люди, только кажутся они не людьми» [130], которая в переносном смысле читается как констатация временной «утери» истинно-человеческой, одухотворенной сущности.

Имя заглавного героя, тем более в сочетании с моральным контекстом, заставляет вспомнить русский народный стих про Аника-воина (греч. ἀνίκητος – непобедимый):

Аника встречает Смерть, которую грозит-ся убить⁹, но Смерть убивает его самого; соответственно, сочетание «Аника-воин» означает бойкого хвастуна. В платоновском рассказе видим обратную по сравнению с фольклорным сюжетом ситуацию – здесь акцентирована внутренняя форма имени Никита, греч. «победитель». Отец героя «преодолел» смерть, и основная интенция Никиты – «воскресительная»: «Давай все трудом работать, и все живые будут» [133]. Сперва герой «оживляет» мир в воображении, но в дальнейшем, благодаря моральному воздействию на окружающих («Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век» [133]) сможет «воскрешать» людей в духовном плане.

Хотя в финальном диалоге персонажей ситуативно подразумевается физический труд, Платонов вводит предпосылки для иносказательного толкования эпизода. Отец говорит Никите: «...этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый» [133]. Глагол *сработать* (= произвести, изготовить) употреблен здесь не совсем «правильно»: Никита не делает гвозди (на что, конечно, пятилетний ребенок не способен), а *выпрямляет* их [133] – соответственно, «сработал» он не столько «гвоздя», сколько «человечка». Автор рассказа сочетает два известных литературных образа, закрепившихся в качестве языковых метафор. Один из них – «выпрямление» человека, т.е. внутреннее раскрепощение, высвобождение души; это значение стало популярным благодаря очерку Г.И. Успенского¹⁰ «Выпрямила» (1885) (см.: [Успенский 1953: 265–272]). Второй – мотив из «Баллады о гвоздях» (1921) Н.С. Тихонова, завершающейся двустихием: «Гвозди б делать из этих людей, / Крепче б не было в мире гвоздей»¹¹

⁹ Ср. диалог персонажей:

...Оника воин, я есть Смерть скорая,
Скорая есть Смерть, скоропостижная.
– Ай же ты, душегубка!
У меня есть сабля вострая:
Отмахну же буйную голову!

[Песни 1910: 696].

¹⁰ Кстати, один из персонажей «Чевенгура» Симон Сербинов «читает вслух Глеба Успенского в избах-читальнях» [3: 353].

¹¹ В упоминавшемся рассказе «Семья Иванова» («Возвращение») есть реминисценции из пьесы А.Н. Афиногенова «Ложь (Семья Ивановых)»

[Тихонов 1925: 27]. Платонов переосмысливает эту сентенцию; пафос его рассказа — восстановление живого из «омертвевшего», *воскрешение душ*.

Действия Никиты ассоциируются с христианской идеей спасения — думается, на это указывает данное мальчику отцом прозвище «добрый Кит» [133] (отметим символическое «несоответствие»: отец *знает*, что Никита «родился добрым», хотя, когда он ушел на войну, ребенку едва исполнился год). Поскольку судьба мира в рассказе зависит от успешной «работы добра», диминутив «Кит» ассоциируется с мифическими китами, на которых стоит мир [см.: Белова, Кабакова 2015: 23, 98], — Никита выглядит существом, обеспечивающим, «поддерживающим» мироустройство¹² (характерно, что он помогает отцу, принявшемуся за перестилку пола в избе — укрещение «основы» существования). Вспомним также, что кит фигурирует в библейском сюжете об Ионе, трактуемом как прообраз земной жизни Иисуса: «...как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» [Мф.12: 40]. Эта ассоциация корреспондирует с темой инициации-перерождения и подкрепляет «воскресительный» дискурс рассказа.

Христианский подтекст воплощен и в переключке начального и финального эпизодов. Рассказ, открывшийся сценой, в которой к Никите «явилась» птица, завершается «неразрушимым» соединением сына

(1933), где метафора «людей-гвоздей» играет важнейшую роль (сюжет пьесы связан с гвоздильным производством и т.д.) (подробнее см.: [Яблоков 2014: 556–566]).

¹² Отметим, что имя Никита довольно часто встречается в платоновском творчестве; в частности, в повести «Котлован» функционирует в виде вокатива «Никит!» [3: 438], который может быть каламбурно истолкован как «*не кит*». По контрасту с рассказом «Никита», причина, видимо, в том, что персонаж «Котлована» Чиклин, которому принадлежит это имя, не способен (как и другие рабочие) стать «основоположником» общепролетарского дома. Вместо возведения фундамента постройки землекопы лишь увеличивают котлован, а «вечный камень» [3: 533], который мог бы выполнить функцию «краеугольного» [Мф. 21:42; Пс. 117:22], приспосабливается Чиклиным под саркофаг для тела Насти, символизируя скорее торжество смерти, чем победу над ней.

с отцом¹³ — ср. реплику последнего: «...теперь уж век буду с тобой вековать» [132]. Однако важно учитывать не только сходство, но и черты существенного различия между ними. Отец вносит в мир «структурирующее» начало; при этом для персонажа, которому пришлось вынужденно стать солдатом, основным «инструментом» служит принуждение (отца бояться все «окружающие» существа); избавляя мир от смерти и страха, он, фигурально говоря, «продолжает» войну. В отличие от отца Никита воплощает *силу добра*. Соответственно в заглавии рассказа, помимо непосредственно-«бытовой», актуализирована метафорическая семантика, связанная с этимологией имени Никита. Перед нами *два победителя*, связанных по принципу дополнительности: «второй» невозможен без «первого», но при этом «сильнее» его. Одержавший *победу в войне* отец мечтает, что сын одержит *победу в мире*, и надеется, что перспектива человечества связана с активным добром¹⁴.

Подводя итог, заметим, что анализ подобных проблем вряд ли по силам пятиклассникам. Думается, знакомство с рассказом целесообразно отложить до XI класса, когда урок может быть построен именно на контрасте между «детской» фабулой и «взрослой» проблематикой «Никиты».

¹³ Важно, чтобы учащиеся представили *автобиографическую* основу «отцовско-сыновней» темы, связанной для Платонова с трагическими коннотациями. Примерно за два года до создания рассказа «Никита» умер 20-летний сын писателя Платон, который в 15-летнем возрасте 28 апреля 1938 г. был арестован по ложному обвинению, а 23 сентября того же года за «руководство антисоветской молодежной террористической шпионско-вредительской организацией» осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Норильлаг. В конце 1939 г., приговор был отменен, и 26 сентября 1940 г. П.А. Платонова освободили, однако за два с половиной года, проведенных в заключении, он заболел туберкулезом и 4 января 1943 г. умер. Сам Платонов в 1951 г. умер от той же болезни — возможно, он заразился туберкулезом от сына.

¹⁴ Кстати, это может послужить для учителя поводом для разговора о внешнеполитической ситуации второй половины 1940-х гг., своеобразным откликом на которую является рассказ «Никита» (как и ряд других произведений последних лет жизни Платонова).

ЛИТЕРАТУРА

- Гурвич А.С. Андрей Платонов // Андрей Платонов: Воспоминания современников: материалы к биографии. — М., 1994.
- Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: в 5 т. — М.; Л., 1936. — Т. 2.
- Критические отзывы на книги Платонова 1943, 1945 гг.: Внутренние рецензии издательства «Советский писатель» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — М., 2017. — Вып. 8.
- Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. — М., 2000.
- Первые посмертные сборники А. Платонова: отзывы современников // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. — М., 2017. — Вып. 8.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — М., 2000.
- Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. — 2-е изд. — СПб., 1910. — Т. 2.
- Тихонов Н. Двенадцать баллад. — Л., 1925.
- Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. — М., 1953. — Т. 10. — Кн. 1.
- Яблоков Е.А. Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века. — СПб., 2014.
- Яблоков Е.А. Четыре километра жизни: Мифопоэтические коннотации лексического поля «Пространство» в рассказе А.П. Платонова «Июльская гроза» // Русский язык в школе. — 2017. — № 2. — С. 41–48.

REFERENCES

- Gurvich A.S. Andrei Platonov. In *Andrei Platonov: Vospomnaniya sovremennikov: materialy k biografii* [Andrey Platonov: Memoirs of contemporaries: materials for biography]. Moscow, 1994. (In Rus.)
- Lermontov M.Yu. Polnoe sobranie sochinenii: v 5 t. [Complete works: 5 vol.]. Leningrad, 1936, vol. 2. (In Rus.)
- Critical reviews of the books of Platonov 1943, 1945: Internal reviews of the publishing house «Soviet writer». In «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva* [«Land of the Philosophers» by Andrey Platonov: problems of creativity]. Moscow, 2017, vol. 8. (In Rus.)
- Platonov A.P. Notebooks. Materials for the biography. Moscow, 2000. (In Rus.)
- The first posthumous collections of A. Platonov: reviews by contemporaries. In «*Strana filosofov*» *Andrey Platonov: problemy tvorchestva* [«Land of the Philosophers» by Andrey Platonov: problems of creativity]. Moscow, 2017, vol. 8. (In Rus.)
- Propp V.Ya. The historical roots of the fairy tale. Moscow, 2000. (In Rus.)
- Songs collected by P.N. Rybnikov: in 3 vol., 2nd ed. Saint-Petersburg, 1910, vol. 2. (In Rus.)
- Tikhonov N. Twelve Ballads. Leningrad, 1925. (In Rus.)
- Uspenskii G.I. Full composition of writings: in 14 vol. Moscow, 1953, vol.10, book 1. (In Rus.)
- Yablokov E.A. Choir of soloists: Problems and heroes of Russian literature of the first half of the XX century. Saint-Petersburg, 2014. (In Rus.)
- Yablokov E.A. Four kilometers of life: The mythopoetic connotations of the lexical field «Space» in the story of A.P. Platonov «The July Thunderstorm». In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2017, No. 2, pp. 41–48. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евгений Александрович Яблоков, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения, Российская академия наук; Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, 119991, Россия

Yevgenii A. Yablokov, Doc. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; 32-a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia